

В.Л. Каганский

Институт географии РАН

ЧЕЛОВЕК В ЛАНДШАФТЕ: КОНФЕРЕНЦИЯ-ПУТЕШЕСТВИЕ?

Рефлексия конференции — первого опыта междисциплинарной межрегиональной конференции-путешествия. Тематика конференции и отдельных обсуждений нетривиально соответствовали местам дискуссий. Характеристика предметно-тематического поля, выделение ключевых моментов дискуссии, сквозных сюжетов и узлов роста.

Ключевые слова: *путешествие, конференция-путешествие, междисциплинарные исследования, культурный ландшафт, жизнь, литература, краевая литература, диалог, теоретическая география, теоретическая биология, филология, культурология, культура, периферия, провинция, империя, Урал, Уральская Россия, Строгановы, Б.Л. Пастернак, И. Кант.*

V.L. Kagansky

Institute of geography, Russian Academy of Sciences

MAN IN THE LANDSCAPE: CONFERENCE TRAVEL?

Reflection of the conference was the first interdisciplinary regional conference-travel. The theme of the conference and individual discussions nontrivial consistent with the places debate. Feature subject field highlight key discussion points, cross-cutting themes and nodes of growth.

Keywords: *travel, conference travel, interdisciplinary studies, cultural landscape, life, literature, regional literature, dialogue, theoretical geography, theoretical biology, Philology, cultural studies, culture, periphery, province, Empire, Ural, Russia, Kama, Stroganoff, B. L. Pasternak, I. Kant.*

Звено в сети общения

Согласно мнению большинства участников, конференция в научном отношении была успешна. Конференция была и отлично организованной (низкий поклон местным организаторам и всем, кто принимал нас) и продуктивной; была полна содержательными докладами и дискуссиями, в ходе которых пропускали новые идеи; теплая дружественная атмосфера; гостеприимное место. Обстоятельства в лице Анастасии Фирсовой и Стаса Хоробрых благоприятствовали нашей встрече с самого момента зарождения ее — 9 месяцев от зачатия идеи до рождения конференции. Однако она не реализовала все свои возможности из-за неполного пребывания ряда лиц, и — что важнее — из-за лишь частичной актуализации общего проблемного поля. Вряд ли состоялось «слияние дисциплинарных душ», но междисциплинарная коммуникация была налицо. Практических рекомендаций дать мы

не смогли, для чего нужен иной формат. Однако работа удалась, была осмысленной и продуктивной, оставила послевкусие и надежды будущих встреч.

Важнейшая предпосылка состоявшейся работы — связи участников, сотрудничество, взаимная привязь. Конференция стала интересным звеном в цепочке долгого общения. Трое участников давно работают в теоретико-классификационном движении, четверо — теоретико-биологическом, трое — участники конференции ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРЕ, пятеро — ВЛАСТЬ МАРШРУТА, пятеро — авторы тематического номера ГРАНИЦЫ В КУЛЬТУРЕ. Большинство уральцев — из круга ПЕРМСКОЙ ШКОЛЫ Владимира Абашева.

Междисциплинарность задумывалась изначально. Наконец состоялась встреча уральских филологов и культурологов круга В.В. Абашева и московско-питерских междисциплинарных интеллектуалов, хотя взаимодействие этой школы и с пермскими географами, и с московской теоретической географией идет уже давно и, думается, продуктивно. На первый взгляд близость, едва ли не интимная теоретической географии

© Каганский В.Л., 2018

Каганский Владимир Леопольдович,
к. геогр. н., старший научный Института географии РАН, г. Москва
kaganskyw@mail.ru

и филологии странна и методологически порочна, ведь это не топонимика и не ареальная лингвистика... Но *представленная здесь география — теоретизирование о местах, а филология — комплексное учение о связке «текст — имя — место»*.

Место и тема конференции: диалог и конгениальность

Конференция, посвященная разнообразию связей человека и ландшафта, прошла в интересных уникальных местах. Впрочем, внимательный взгляд любое место может представить как уникальное; предельное когнитивное выражение уникальности места — его концепция.

При уяснении смысла и специфики места конференции важно различие позиций, связанных с местами, откуда прибыли участники. Это, во-первых, жители Урала — свой, родной природный, исторический и культурный большой край, свое место, свой контекст. Во-вторых, это жители Москвы и Петербурга, которые на расстоянии от Урала в полторы тысячи километров сливаются в обитателей северо-западного сектора Европейской России. Для этой столичной далекой России уральский ландшафт был в немалой мере экзотичен; отчасти экзотична и тем интересна была и краевая литература, и старая и новая. Иной, четкий и более крупный ритм ландшафта, выраженный рельеф и скальные выходы, высотная поясность, иная растильность, культурный слой ландшафта вписан в расчлененный рельеф. Начало и предварение гор **Урала**, Предуралье; Урал как тип ландшафта чувствовался во многом. На фоне Восточно-Европейской природной страны Урал — иной природный и культурный макрорегион, о чем еще пойдет речь. Для русского же европейца Урал — еще и преддверие Сибири.

Другая интересная черта места состоит в том, что согласно нынешней исторической, культурной, политической и географической конвенции именно по Уралу, по самой его средине, по осевой линии хребта проведена (нельзя сказать «проходит») **граница Европы** (и Азии). По крайней мере, она сейчас так зафиксирована; однако ее осмысленность, как и вообще фиксация как однозначной и тем более как линии проблематична. Тогда этот огромный край парадоксен: **целостный макрорегион рассечен границей более высокого ранга!** Цельность Урала — вызов современной версии границы Европы и Азии. Здесь ощущим если не порог Азии (трудно сказать, каковы симптомы «азиатского» ландшафта — сибирский же чувствовался), но явной край Европы, край новый, — исторически не так давно европейцы Московию числили в Азии. Мы жили на границе. Край стал осваиваться одновременно с заморскими европейскими владениями, Латин-

ской Америкой и Новой Англией. Однако и тут всё непросто — Чердынь как русское поселение известна с XV века.

Чрезвычайно интересно и конгениально нашей тематике (основным ее локусом было Усолье), что весь этот немалый край некогда был заново освоен (переосвоен) и создан малой группой лиц — большой семьей с близкими и сподвижниками. Немалый край — **персоногенный ландшафт Строгановых**, семейный хозяйственныи двор, обустроенный согласно своих представлений, обычаям, промышленных и коммерческих интересов и технологий, следяя семейным традициям. Тема «Человек и ландшафт» обсуждалась в месте — «авторском произведении».

Имперски-колониальные сюжеты — важный аспект нашего проживания этих мест. Вся эта территория имела и имеет по сю пору статус периферии и государства РФ и страны России, статус даже колониальный. Но возможные антагонизмы между уральцами, носителями современной аборигенной периферийной культуры (но они творят провинцию), и жителями «мегрополии», волей-неволей носителями ее культурной идеологии и практики, отсутствовали.

Колониальное хозяйствование здесь идет веками; ландшафт кричит об этом. Хозяйство территории не вырастает из ландшафта, продолжая его — оно насаждено и насаждается и ныне сверху, издалека, извне для решения внешних задач иных далеких мест, социальных и культурных групп. Именно так вели себя и Строгановы, тем более такова советская индустриализация. Частный, экзотический — но показательный современный пример колониальной эксплуатации места: сюда издалека съезжаются художники на пленэр, вернувшись, они выставляют свои работы, наращивая персональные культурные статусы; но меняет ли это культурный статус места? Строгановы добывали здесь соль и тем приобрели богатства, став потом итальянскими князьями, там реализовали свой социальный статус, и в Европе и в Петербурге занимались благотворительностью. Впечатления и переживания жившего здесь Б.Л. Пастернака стали фактом культурной жизни Переделкино, Москвы, России, Европы etc. Но *стал ли Пастернак культурным героем Урала в одном ряду с преп. Трифоном Вятским или с Ермаком?*

Ландшафты довольно полно проживались участниками, что явствовало из обсуждений в ходе работы и последующих бесед. Это явно **ландшафт-палимпсест** — мешая и помогая друг другу запечатлевалось несколько природных и культурных слоев. В силу наложения разных слоев ландшафта, типов рельефа, волн освоения ландшафт предстал нам довольно разнообразным. Достаточно разнообразна природная

основа, большие реки (Кама, Колва, Вишера) усиливают разнообразие места; по сравнению с подмосковными ландшафтными стереотипами ландшафт воспринимался пятерыми москвичами как достаточно экзотический. Во-первых, у места долгая сложная, даже славная геологическая история (Пермская система). Во-вторых, кроме нескольких слоев российско-русского освоения, заметен финно-угорской субстрат, прежде всего в топонимике. В-третьих, явно прослеживалось несколько хозяйствственно-технологических эпох. Все это было ярко и красочно, чему способствовало время года — **разгар весны**. Многоцветная палитра свежей оживющей зелени, разлив и подъем Камы... Место открылось нам ярким, особенно визуально, колористически — соседство больших лесных массивов, огромный искусственно увеличенный водоем Камского водохранилища, гигантские индустриальные массивы промышленно-городской агломерации Соликамск-Березняки.

Мы наблюдали множество разных и даже полярных способов взаимодействия человека и ландшафта. Вписанное в природный ландшафт и продолжающее его хозяйство коренных аборигенных народов, продолжение природного ландшафта (почти исчезло) и корежащее, утилитарно использующее, убивающее эту природную основу относительно современное (середина XX века) индустриальное хозяйство. И золотая середина — то самое аборигенное хозяйство с замыканием основных траекторий перемещений материала ландшафта, когда он использовался и окультуривался не ради того, чтобы определенная группа пользователей ландшафта потом транжирила ресурсы за его пределами. Ну и, скажем, деяния преп. Трифона Вятского, одухотворение ландшафта (чрез века оно живо сетью храмов и монастырей, а сейчас неоднозначно перекрашивается в туристическую сеть) уместно трансформировало и дополнило местный ландшафт, но не было его колониальной эксплуатацией. Думаю, что типологически в этом ряду стоит и культурная жизнь Усольского музея.

Сложно, разнообразно и ярко (надеюсь) мы говорили о сложном разнообразном и ярком месте.

СЮЖЕТЫ ОБСУЖДЕНИЙ

Только перечни; для филологов актуальна поэтика списка. Итак:

- автор
- Биармия
- биоценоз
- Великая Пермь
- гений
- гений места
- география

- геология
 - геопоэтика
 - граница «Европа / Азия»
 - жизнь
 - жизнь ландшафта
 - заповедник
 - заповедник природный
 - знание
 - контекст,
 - ландшафт
 - ландшафт культурный
 - ландшафт природный
 - литература
 - локальный текст
 - место
 - музеефикация
 - музей
 - национальный парк
 - образование
 - организм
 - окружающая среда
 - охрана природы
 - поэзия,
 - проза,
 - Пермская геологическая система
 - Пермь
 - произведение литературное
 - путешественник
 - путешествие
 - рекреация
 - смерть
 - стратегия
 - стратотип
 - стратоэталон
 - сукцессия
 - текст
 - территория
 - трапелог
 - труп
 - туризм
 - туризм экологический (ландшафтный)
 - Урал
 - филология
 - экология
- PERSONALIA**
1. ДЕКАРТ
 2. ДЕМИДОВЫ
 3. ЕРМАК
 4. КАНТ
 5. ЛЮБИЩЕВ
 6. МЕЙЕН
 7. МЕНДЕЛЕЕВ
 8. МУРЧИСОН
 9. ПАСТЕРНАК
 10. СОКРАТ
 11. СТЕФАН ПЕРМСКИЙ
 12. СТРОГАНОВЫ
 13. ТРИФОН ВЯТСКИЙ
 14. ШРЕЙДЕР

Событийность. Сквозные сюжеты. Лейтмотивы

Опубликованные статьи передают программу конференции как форума представления текстов. Но конференция замышлялась и строилась как рабочая, мы обсуждали доклады, жили вместе, совершили совместные трапезы и прогулки, было немало возможностей, места и времени для кулаарных обсуждений¹. А если учесть и два круглых стола, то подавляющая часть нашей работы — диалог, обсуждение, а не монологические доклады. Первый круглый стол был посвящен гению места. Выявилась неоднозначность категории и ее забытые в современной версии европейской культуры языческие корни и обсуждалось — кто именно может быть гением места, и действительно ли в полноценном смысле концепт «гений места» применим к конкретному человеку или это что-то другое или совсем другое. Второй круглый стол был посвящен экологии, охране природы и заповедному делу, что было уместно — заповедный край с острыми экологическими проблемами.

Я выделию ряд сквозных сюжетов, даже лейтмотивов, пронизывавших доклады, дискуссии всё и проживание этого места.

С открытия конференции доклада С.В. Чебанова тема «жизнь и смерть ландшафта» стала одной из осей. Необходимо отметить, что помещенная в сборнике статья СВ шире и полнее доклада и в ней отражены впечатления автора от его интенсивного проживания Прикамья. Насколько жизнь ландшафта — метафора, а насколько строгое понятие? Как наблюдаема эта жизнь? Всякая ли активность является жизнью? Индустриальная активность Березников, извлечение калийных солей — индустриальная жизнь места или умерщвление его ландшафта? Насколько и как именно сопряжена жизнь конкретного человека, сообщество людей и жизнь самого ландшафта? В каком смысле и в какой мере литература, создание, порождение, генерирование, понимание, интерпретация текстов, работа с ними являются жизнью именно ландшафта?

Показательно, что при кратком, но интенсивном включении в конкретные места они воспринимались, переживались и интерпретировались весьма по-разному. Характерна дискуссия в урочище Ивака, одном из возможных прототипов Варыкина в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго». Столетие назад здесь был завод и поселение со всем, что полагается, ныне же остатки каменного строения, ушедшие в землю фундаменты, следы поселения, бурно зарастающие уже и лесом. Это были и живописные руины и трупы былого освоенного культурного ландшафта и радость от того, что природа берет свое и на месте селения, заводов, полей работает живая сукцессионная машина, идет закономерная смена рас-

тительности, и через полвека молодые коллеги смогут увидеть здесь, как и положено этой природной зоне, полноценный ельник. Впрочем, интересно это место было всем.

Конечно, наше внимание привлекал и весь ландшафт уральского Прикамья. Наблюдалась и обсуждалась разнообразная жизнь этого ландшафта — природная, индустриальная, культурная (и наша конференция тоже). Мы заседали в замечательном живом культурном локусе — Усольском историко-краеведческом музее, бывали и в других интересных музеях; по моим немалым наблюдениям такие музеи все более становятся активными центрами и сгустками местного сознания и идентичности и даже генерируют своего рода «текст» (в семиотическом смысле).

Сюжет жизни ландшафта здесь хорошо представлен. Уральские авторы, думаю, вполне убедительно показали, что жизнь края не то, что бы переливается в истории в тексты, но отчасти и переливается в живые тексты — а тексты обогащают жизнь этого места и формируют виртуальные ландшафты, чье сопряжение с обычными сложно и интересно. И если когда-нибудь Урал как культурный ландшафт неизвестно изменится или даже исчезнет, то останется уральский текст. Мы обсуждали и продумывали литературу и как голос ландшафта, особое продолжение и выражение жизни конкретных мест — воплощение, семиотическое воспроизведение, дополнение, расширение, творческое преобразование, критику etc. Сюжеты места (края) и «его» литературы — не отдельные, но связанные сквозными лейтмотивами.

Тогда возникает следующий вопрос. Каждой ли большой части страны, большому ландшафтно-культурному региону присуща (или должна быть присуща) своя самобытная литература? Где и когда достигалось такое идеальное состояние и достигалось ли? Пока такая литература не появляется и не становится зрелой, не входит равноправной струей в национальную литературу и культуру, нет оснований говорить, что этот край дорос до зрелости или, в моей терминологии, стал полноценной провинцией страны. У провинции есть полноценное самосознание и, соответственно, своя краевая литература. Но поскольку Россия — страна нового освоения, то далеко не вся её территория успела стать провинцией, такова лишь территориально меньшая часть.

Была поднята интересная проблема — отношение гения, творца (не «гения места») к пространству: был дан первый набросок соот-

¹ Событийность прекрасна передана в цикле эссе Ольги Балла-Гертман <https://gertman.livejournal.com/194396.html>, <https://gertman.livejournal.com/194804.html>, <https://gertman.livejournal.com/187140.html>

ветствующей типологии². Даже живущие в ярком ландшафте гении могут жить в нем совершенно экстерриториально; многие из имен, что перечислены выше — гении, которые по-разному взаимодействовали с пространством. И опять возникает фигура Б.Л. Пастернака — гения, чрезвычайно чуткого к ландшафту и ему открытого, в том числе и ландшафту совсем малых «незначительных» мест. **Линия Пастернака** была сквозной и одной из важнейших. Ведь можно быть открытым пространству, быть пространственно-осененным гением, занимаясь, скажем, математической топологией (учение о пространстве), при этом не вовлекаясь в какое-либо конкретное место и даже подвергая пространство полному произволу — или строить могущие категоризации пространства, живя совершенно внепространственно, экстерриториально, как И. Кант.

Сквозным задумывался и осуществлялся сюжет **путешествия и путешественника**. Конференция задумывалась и отчасти и строилась как конференция-путешествие. Однако стремление обсуждать в каждом месте именно то, что связано с этим местом (хотя бы концептуально), воплотилось лишь отчасти. Идеал путешествующей конференции — о чем мечталось — мы не воплотили (пока, надеюсь); в теории путешествия были конференции по теме, но вот путешествующей конференции в полном смысле еще не бывало.

Географическое описание, ландшафтный образ места — это сейчас мода, ценность, важный брендовый/имиджевый ресурс. Так вот его референт — рой отдельных мест и объектов или это некоторая сплошная ткань ландшафта? Но ровно та же самая проблематика прослеживается и во многих других предметных сферах. В центре внимания экологической активности должна быть охрана отдельных объектов, отдельных видов (в пределе отдельных экземпляров живых существ), отдельных территорий, заповедников, национальных парков и так далее — или вся ландшафтная ткань географической оболочки Земли? Та же самая контроверза. И для музейной в широком смысле практики все ровно то же самое: сохранение отдельных (мертвых) вещей — или культурная жизнь на основе их творческого использования, вторичной витализации? Это весьма острые методологически и общекультурно ситуации. Может быть, мы соберемся когда-нибудь еще и посвятим этому сюжету череду обсуждений...

Ну и наконец, целый ряд сюжетов, тем — культурологических, филологических, литературоведческих, методологических, географических, экологических, — может быть структурно представлен как **антиномия «живые среды — отдельности»**. Так, должны ли быть в центре внимания при организации туризма (ряд докладов был посвящен именно рекреационному освоению, новой очередной волне освоения / присвоения и переосмысливания края), конкретные

точечные локальные достопримечательности или ландшафт в целом?

Применительно к литературе эта контроверза воплощается в антитезе «цитатности», когда нечто представляется как совокупность, хотя бы большая отдельных цитат — или интертекстуальное и надтекстуальное целое, когда идет работа с большими контекстами и целостными содержаниями. Стандартное филологическое представление конкретного творческого «среза» — некоторое связное семейство фрагментов текстов, большее, нежели рой отдельных цитат — но все же презентация некоей совокупности ограниченных текстов или даже их фрагментов с интерпретациями. Противоположный или дополнительный полюс — представление в целом, скажем, поэтического мира. Применительно к творчеству Пастернака это вопрос: Урал помог ему создать отдельные тексты, и мы наблюдаем отпечаток, след, отсвет Урала в конкретных поэтических текстах — или Урал стал местом, временем, событийностью, изменившими поэтический мир автора?

Применительно к людям, о которых здесь говорилось, это вопрос о индивидуальностях ярких, таких как Строгановы, Ермак, преп. Трифон Вятский, Б.Пастернак вне контекста, вне места — или о сообществах, в пределах и внутри которых реализуется деятельность этих людей.

При обобщение этих раздумий стоит помнить, что конференция стала филолого-географической по преобладающим темам и участникам — тем самым первой и беспрецедентной. То была *конференция географов, погруженных в культурный ландшафт во всей полноте и тем самым погруженных в культуру, включая и тексты — и филологов, активно работающих с локальными текстами и категорией места, ландшафта, путешествия*. И именно культура тот феномен, что снимает и разрешает названное противоречие (или даже разрыв?) между средами и отдельностями, между текстами и контекстами, между объектами и ландшафтами, между местами и текстами. Используя афоризм Мишеля Фуко, мы работали не со словами и вещами по-отдельности, а вместе и со словами и с вещами; и ландшафт и культура и есть единство вещей и слов...

Мы пребывали под сенью возникающей (возникшей?) **школы В.В. Абашева**. Думается, что эта школа и путешествует от классического «цитатного филологизма» к освоению и представлению более широких ландшафтных, культурно-ландшафтных, региональных и культурных контекстов, потому что литература большого края — это голос ландшафта как целого, а не какие-то вскрики отдельных мест и не локальные точечные строчки отдельных текстов отдельных авторов.

² Идея высказана Г.В.Лютиковой в том самом ландшафте, месте, здании и даже в том же зале, где провел немало времени Б.Л. Пастернак (Всеволодо-Вильва).

Конференция оставила приятное послевкусие, собственно сборник — именно это послевкусие; само желание занятых лиц, что встретились на короткое время, написать, представить, отредактировать тексты, свидетельствует о том, что эта конференция, продолжает существовать как некоторое событие. И тогда уместно, как кажется, обозначить несколько сюжетов под условной рубрикой **«О чем же думать дальше?»**. Понятно, что каждый из авторов продолжает работать, но проявились несколько сквозных сюжетов, частично я их уже назвал, а частично назову сейчас.

Обозначился сюжет связи места, гения места и уникальности места. Всякое ли место уникально, каким должно быть место, понимая его не топографически, не геометрически, а ландшафтно, чтобы быть уникальным, и во всяком ли месте можно открыть или всякому ли гению присуще «своё место»? Не в (про)явлении ли уникальности места состоит высокая миссия «локального гения»?

С другой стороны, учитывая наплывающую (уже чрезмерную) популярность сюжета **образа места**, важно разобраться: всякое ли место может рассчитывать на полноценный образ? Всякое ли место заслуживает образа в культуре, даже локальной? Всякий ли фрагмент поверхности Земли, каков бы он ни был с культурной точки зрения, может иметь полноценный образ? Совершенно понятно, что формально некоторое число риторически связанных характеристик, может быть приписано любому фрагменту поверхности Земли, но будет ли это образом и даже будет ли просто текстом — сюжет размыщения на будущее. И кстати, что есть тогда место? И опять возникает упоминавшаяся проблема. Адекватный образ места, его семиотическое и культурное продолжение, презентация — или авторский образ места, продолжение и социальная презентация именно и только автора «образа». Или еще и иначе: образ должен быть ярок, красив, интересен или, прежде всего, адекватен? При этом речь идет именно об образе, а не о научном описании, для которого такого вопроса нет — научное описание адекватно по определению. Ровно то же самое относится к интерпретации конкретного произведения или авторского творчества. Да и с образами, неизбежно спонтанно рождающимися в путешествии та же самая проблема. Области формально разные, но вопросы одни и те же!

Еще сюжет — разнообразие гениальности, в связи с чем возможны **разные типологии гениев**. Не сделать ли пермской школе Вл. Абашева вместе с петербургской методологией и с московской теоретической географией разработку пространственной (ландшафтной) типологии гениев? В конце концов, все люди живут в ландшафте и гении тоже, а погруженные в ткань ландшафта и воплощающие его гении являются продолжением, культурным завершением этого ландшафта. Сю-

жет открыт и продуктивен. Да, Кант совершенно экстерриториален и безразлично — жил ли он в Кенигсберге или, скажем, в Гамбурге. Хотя я, наблюдая ландшафт Восточной Пруссии (её руины, страшный труп — ныне Калининградская область РФ), полагаю, что явно есть некая конгениальность философствования Канта и ландшафта этой территории³. Острая постановка — **гений как компонент, фокус и вершина ландшафта конкретного места**. Возникает и сюжет хозяина места, не собственника, а хозяина, организатора, ответственного за определенное место.

Следовало бы разобраться в соотношении понятий местный текст, локальный текст, региональный текст. Это продолжение сюжета образа места, проблемы, какие именно места генерируют полноценные образы, какова неоднозначная связь мест и образов мест, притом что образ места становится все более значимым компонентом места. Как соотносятся между собой конкретные локальные тексты, есть ли общий уральский локальный текст, или есть конкретные пермские или может быть в перспективе челябинские, челябинские и т.п. тексты? Места как отдельные части Урала соотносятся по отношению включения, но ведь общий образ Урала и локальные образы его мест соотносятся иначе, но как именно?

Из логики копирующего наслаждания компонентов ландшафта следует, что если есть Урал как целостный макрорегион, индивидуальный район высокого ранга (таковая природная страна⁴ и экономический район общепризнанна), то у него «должен» быть и целостный текст. Но такая логика отнюдь не универсальна. Так, лесостепной и отчасти степной Юг Средней России, вполне осмысленный в аспекте природного ландшафта, но как зональный ландшафт (Урал же индивидуальный район) — бунинская или тургеневская Россия, породил большой массив текстов, немало выдающихся произведений — но породил ли единый краевой текст? Допустим, что есть уральский текст русской культуры — тогда налицо следующий вопрос. Есть московский и петербургский текст, но еще есть и московская и петербургская версии (транскрипции) русской культуры; полностью перечня таких версий нет. Но насколько осмысленно и оправданно тематизировать **уральскую версию**, уральскую транскрипцию, уральскую интерпретацию русской культуры? Однако именно ее наличие позволило бы утверждать, что Урал как полноценная провинция — существенная часть России, такая, без которой «Россия неполна». Так ли это?

Налицо ли Уральская Россия?

³ Каганский В.Л. Иммануил Кант и культурный ландшафт Восточной Пруссии // X Кантовские чтения. Мат-лы междунар. конф. Изд-во РГУ им И. Канта Калининград. с. 51-59. <http://kant-online.ru/?p=1908>.

⁴ Мильков Ф. Н. Природные зоны СССР. — М.: Мысль, 1977.